Январь 1922 г. МОСКВА. №№ 15-16.

Историческая библиотека

„ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“

Всероссийская Федерация Анархистов-Коммунистов.

Редактор **А. А. Карелин.**

Москва, 1-й Дом Советов, комната № 219.

СОДЕРЖАНИЕ: Осуществим ли анархический идеал?—*А. Березняк.* Предшественники и последователи П. А. Кропоткина в учении о взаимопомощи (статья вторая).—*Кочегаров.* Пьер Жозеф Прудон, как кооператор.—*Н. Хархардин.* Интимное.—*Р. Эрмано.* Искусство и Анархизм.—*Е. Доминин.* „Бранд“—драматическая поэма Г. Ибсена (статья первая).—*В. Худолей.* Библиография.

ОСУЩЕСТВИМ ЛИ АНАРХИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ?

Большинство современного человечества признает анархический идеал красивым и разумным, но в то же время неосуществимым. Современным людям кажется абсолютно невозможным существование Общества построенного на праве свободного выбора и договора; без власти закона и принуждения, без суда, полиции и армии. Им мерещится будто анархическое общество—общество вырождения и конца культуры.

Так как обычно теоретическое обоснование возможности существования анархического Общества мало убеждает людей, то я остановлюсь лишь на тех практических опытах построения свободного безвластного общества, которые имели место за последние сто лет. В двадцатых годах прошлого столетия под влиянием пропаганды Р. Оуэна началось довольно сильное стремление к образованию свободных коммунистических общин, посредством которых Оуэн думал создать новый нравственный мир, взамен старого, погрязшего в пороках и заблуждениях. Это движение привело к организации нескольких подобных общин. Наиболее известной из них является Нью-Гармонийская община равенства, которая, просуществовав несколько лет, об'единяла около 1000 общинников. В ней был в полной мере осуществлен коммунистический принцип—каждому по потребностям, от каждого по способностям. Внутренний распорядок общины был таков, что в ней не было никакой власти и никакого органа, хотя бы издалека походившего на правительства современных государств. Вместо законодательного права в общине проводилось право договорное. Труд имел характер добровольного. Права и обязанности всех взрослых были совершенно равны. Суда не существовало и все разногласия и расхождения между членами разрешались путем дружеского соглашения. И несмотря на анархический, строго выдержанный, характер этой общины, в ней, равно и в других, ей подобных, не возникло ни одного преступления.

В сороковых годах прошлого столетия, в связи с учением Шарля Фурье, возникло движение, вызвавшее в течении пяти лет организацию свыше тридцати общин, именуемых фалангами, причем каждая

фаланга об'единяла от ста до двухсот человек. Фаланги—организации коллективистического типа и в своей основе очень близко подходили к общинам, построенным по принципам Оуэна. Отличительными свойствами их был коллективизм и признание полного простора за человеческими страстями. Вся жизнь фаланги направлялась общим собранием участников, а правление избиравшееся для исполнения каких-либо технических поручений, могло лишь поставить какой-либо вопрос на обсуждение членов фаланги, а не требовать исполнения своего распоряжения. И опять, несмотря на полную свободу членов фаланги,—а я бы сказал именно благодаря ей,—в фурьеристских общинах не замечалось ни упадка культуры, ни развития преступлений и пр. Одинадцать общин просуществовали свыше двух лет и из них Нортгемптонская ассоциация—4 года, Брукская ферма и Висконсинская фаланга—по 6 лет, а Северо-Американская фаланга—даже 12 лет. Казалось бы, что сроки эти достаточны для того, чтобы доказать частичную осуществимость даже в пределах капиталистичесоого строя анархического общества. Можно возразить, что общины эти все-таки распались; значит, они не жизнеспособны. Но, во первых, ликвидация их вызвана была специфическими особенностями их организации. Главной причиной, вызвавшей ликвидацию, был упадок энтузиазма у общинников, и, кроме того, неприспособленность интеллигенции, составлявшей главное ядро этих общин, к физическому труду. А во вторых, анархическое общество не есть застывшая масса организованных в первое время осуществления анархизма общин. Анархический строй допускает возможность распада отдельных анархических общин, и образования, на основе ликвидировавшихся, новых ячеек анархического общежития.

Но еще более интересный пример дает история ближайшего к нам времени. В 1898-9 гг. в Канаду переселилось около 8000 русских духоборов. В первое время они сильно бедствовали и в буквальном смысле этого слова голодали. Дело доходило до того, что, за отсутствием рабочего скота, они вспахивали землю, отведенную им канадским правительством, впрягаясь по 12 пар в плуг. Будучи мирными анархистами, очень близкими к толстовству, они прилагали все усилия, чтобы зажить общиной. Но тяжелые материальные условия являлись большим тормазом к достижению их идеала и только часть духоборов, около 5.500 человек в первые годы жила коммуной. Но в 1904 г., с улучшением их положения, свыше 8.000 духоборов, образовали большую общину, об'единившую 44 села (по 40 домов в каждом). Теперь количество духоборов, живущих общиной, превышает 10.000. Эта община, носящая название Христианской Общины Всемирного Братства, провела у себя все решительно анархические принципы, и как таковая, даже вынесла ряд столкновений с канадским правительством, не желая подчиняться требованиям государственных законов. Это первое в мировой истории чисто анархическое общество, так как анархические принципы проводились им не только внутри общины, но и вне ее. Как на характерное доказательство правильности последнего утверждения можно указать на отказ членов Христианской Общины Всемирного Братства принять канадское подданство и платить налоги государству, при чем за отказ от принятия подданства община понесла громадный материальный ущерб, ибо правительство не замедлило отобрать предоставленную общине, в размере 120.000 десятин.

землю на улучшение которой община затратила свыше 10 миллионов рублей. И община перешла на новое место, приобретя за свои сбережения участки частных лиц. Верховным органом управления общиной является с'езд представителей отдельных сел. Все аттрибуты современного общежития совершенно отсутствуют. О быстром интеллектуальном прогрессе общины свидетельствует тот факт, что женщина, бывшая ранее духоборов загнанным, подчиненным существом является непременным, полноправным членом общины. Хозяйственный успех общины виден из отчетов. Так, за 1904 г. было приобретено: 6 новых паровиков с молотилками, 50 жнеек, 32 сенокосилки, 109 плугов и много других земледельческих машин. Рабочих лошадей было приобретено в том же году 344, да кроме того куплено племенных жеребцов.

Как видно из отчетов общины, часть инвентаря находится в непосредственном владении и распоряжении всей общины, часть во владении отдельных селений. Так, в 1905 году, во владении всей общины было 17 паровиков, 11 молотилок, 4 станка для распилки леса, 1 строгальный станок, 1 машина сеновязальная, 1 для выделки кирпичей, лесопильный завод, цементный завод, разнообразные постройки на станциях железной дороги и в городе Иорктоне и т. д. и т. д.

Кроме сельского хозяйства, духоборы были заняты и разнообразными отраслями промышленной деятельности преимущественно для своих собственных нужд. Так, они пилили лес, выделывали кирпичи, цемент, черепицу, ткали сукна из шерсти своих овец и т. д. и т. д. Кое какие промышленные изделия продавались на сторону (Туган-Барановский). Описывая общину, Туган-Барановский говорит: "Особое значение созданная духоборами общественная организация приобретает благодаря тому, что, собственно говоря ее нельзя назвать общиной. Это нечто гораздо большее. Какая же это община, когда она об'единяет многие десятки отдельных сел. Каждое отдельное село является, действительно коммунистической общиной. Но, об'единенные в одно социальное целое, они уже являются чем то высшим, чем община.

Это уже не коммунистическая община, а коммунистическое общество, прообраз сложного коммунистического общества в больших размерах. И, притом, прообраз не принудительного государственного коммунизма, а наиболее свободного коммунизма анархического типа.„

Недостаток места не позволяет остановиться на других организациях и, в частности, кооперации, напоминающих по своим принципам анархическое общество.

Но и этих примеров достаточно для того, чтобы можно было говорить об осуществимости анархического идеала. Эти яркие попытки говорят и за то, что строительство новых форм свободного общежития уже началось и что анархическое общество не за горами. Скептики и маловеры, убеждайтесь. Спящие пробуждайтесь. Пусть каждый, кому дорого будущее, положит свой камень в прекрасное здание будущей Анархии.

А. Березняк.

Предшественники и последователи П. А. Кропоткина в учении о взаимопомощи.

(Статья вторая).

Кооперация, единение, взаимопощь—все это вместе взятое и даст коммунизм. Коммунистический строй не совместим с властным строем общежития, почему коммунизм может быть только анархическим. „Основная задача современного момента,—писал И. В. Богословский,—кстати сказать достаточно назревшая, разрушить преграды к необходимому обновлению, для чего должны быть изгнаны из человеческой среды всякая власть, всякие авторитеты, всякие преимущества, сословные, имущественного происхождения, словом, должно быть изгнано все, что мешает людям представлять из себя единое братство.

Власть не имеет ничего общего с солидарностью. Кооперация, взаимопомощь имеют корни вовсе не в утопических мечтаниях, а в глубоких, естественных, так сказать, причинах. Биология и экономика дают нам здесь свои интересные и важные указания и мы остановимся на только что сказанном немного подробнее.

Бесспорным, постоянно наблюдаемым фактом, является „жажда жизни“, борьба с тем, что мешает жить. Наблюдение же показывает, что, изыскивая „меры к преодолению сопротивления со стороны деятелей, стремящихся прекратить эту жизнь“, живые существа тяготеют к общественности, к единению. Действуя сообща, скопом, массой, живые существа повышают свое благосостояние, преодолевают такие препятствия, которые уничтожили бы каждое такое существо, сопротивляющееся им по одиночке. „Данные истории, антропологии и биологии,—писал И. В. Богословский —вырисовывают перед нами с очевидностью ту истину, что слабая индивидуальная жизнь в эволюционном процессе преодолевает громадные сопротивления со стороны физических (и всяких других) агентов путем воздействия на это сопротивление массой, благодаря чему создавались впоследствии условия, благоприятные дальнейшему существованию. Опыт веков передавался следующим поколениям в форме инстинктов и потребностей из числа которых на первом месте стояли общительные чувства, как выражение общинной стадии эволюционного развития“.

Об'единясь, животные, начиная с самых простых, не только лучше жили, но и избегали погибели.

Отметим, мимоходом, что солидарная защита от нападающего врага сильно распространена в животном мире.

Единение, кооперация—это великий закон природы. Генри Друммон говорит по этому поводу следующее (цитирую по кн. И. Богословского). „Природа не делает ни одного движения, общество не выполняет ни одной цели, космос не подвигается ни на один шаг вперед без зависимости от кооперации... Согласно хорошо известным биологическим законам, только в соединении друг с другом—будет ли то соединение атомов, клеточек, животных или человеческих существ—могут индивидуальные единицы совершить какой либо прогресс и создание таких соединений является во всяком случае первым условием развития“. Ассоциация, комбинация, взаимопомощь, товарище-

ство, склонность—предметы, на которых будет вращаться в конце концов весь материальный и моральный прогресс—были таким образом (Друммон об'сняет каким именно: силою) вложены в мир."

От простейших видов мы наблюдаем ассоциацию, об'единение, колониальность. По мнению Эд. Перье, закон ассоциации является „основным законом развития животного царства."

Как неизменное правило, потребности настойчиво требуют удовлетворения и, по нашему мнению, развитие потребностей обусловливает и прогресс. Развивая свою мысль о кооперации, И. Богословский указывает, что „потребность питания тесно связана в своем удовлетворении с потребностью деятельности, а это необходимо вызывает потребность солидарности, на основе которой добывается успех всякого обновительного движения и которая имеет своим результатом кооперативную деятельность.

Солидарность является до некоторой степени результатом общности происхождения. Эта общность, тождественность физической и психической структуры „позволяет понимать собратьев рефлективно", говорит И. В. Богословский.

Зачастую живые существа, в том числе и люди, сплачиваются, не сговариваясь, не обменявшись какими либо звуками... Если мы проведем смычком по натянутой струне, то зазвучит и другая, одинаковая с первой, также настроенная струна, хотя бы мы и не касались ее смычком. Надо только, чтобы вторая струна не находилась далеко от первой, чтобы ни та ни другая не были в одиночестве.

Общительные чувства передавались по наследству и крепли. „Физиологическая потребность единения с себе подобными" была корнем людского сплочения в его разнообразных формах.

Нечего и говорить, что совместная деятельность многих сразу, значительно продуктивнее работы такого же количества одиночек. Бревно в 50 пудов, сколько бы лиц по одиночке не прикладывали к нему свои силы не будет передвинуто с места на место, но 20 человек сразу взявшись за него, легко перенесут эту тяжесть. Работа многих, сделанная одновременно, совершается во многих случаях не пропорционально, а значительно быстрее, чем та-же работа, которая делается по одиночке. Общая работа создает новую, не бывшую до нее, силу.

Как люди, так и другие, существа, создают стойкие об'единения. Появляется община, обезпечивающая нравственный и культурный прогресс.

На почве единения, вначале хотя бы только механически, возникает взаимопощь, а далее и нравственность, не мыслимая вне общения. Появляются чувства симпатии, сострадания; этих чувств чужды только ненормальные люди. По отзывам всех врачей сумасошедшие женщины лишены сострадания. Нечадолюбивые матери всегда истеричны, неврастеничны, с растроенной нервной системой.

Любовь к ближнему что то вроде потребности для здорового человека. Только люди, испортившие свой организм излишествами, дурными привычками, только люди со слабыми умственными способностями, только одиночки чужды нравственности и способны на те или другие злодеяния. К сожалению, такими людьми переполнены группы богачей и правителей.

Повинуясь общему биологическому закону, первобытные люди дошли до общинной стадии эволюционного развития и широко практиковали в то время доброжелательные чувства. „Общинная стадия эволюционного развития характеризуясь исключительно наличностью взаимных доброжелательных чувств сочленов одного и того же общежития, должна была создать и создала в действительности ту санкцию поведения, нарушение которой необходимо влечет за собою разложение общества и, стало быть, сокращение нашей индивидуальной жизни, для оберегания которой от разрушения эволюционным процессом и выработано общество". (Богословский).

В первобытных общинах господствовали анархизм и коммунизм. Следы этих форм общежития сохрнялись долгое время среди некоторых племен и в современных нам, близких к анархическому коммунизму племенах мы встречаемся с высокой нравственностью их членов, с мягкостью в обращении, со взаимным уважением, с развитым чувством собственного достоинства.

В своей замечательной книге о взаимопомощи П. А. Кропоткин блестяще доказал, что для поддержания существованяя любого вида и для его развития, взаимопощь имеет громадное значение, что в общительности имеется лучшее орудие борьбы „против всех естественных условий, неблагоприятных для вида". Если бы, —писал он,—мы „не были бы знакомы ни с какими другими формами из жизни животных, кроме тех, которые известны о муравьях и термитах, мы могли бы уже с уверенностью заключить, что взаимная помощь, (ведущая к взаимному доверию—первому условию мужества) и индивидуальная инициатива (первое условие умственного прогресса) являются двумя условиями, несравненно более важными в эволюции мира животных, чем взаимная борьба." „Избегайте состязания,—писал этот ученый,—оно всегда вредно для вида и у вас имеется множество средств избежать его. Такова тенденция природы, не всегда ею осуществляемая, но всегда ей присущая. Таков лозунг, доносящийся до нас из кустарников, лесов, рек, океанов." А потому об'единяйтесь, практикуйте взаимную помощь. Она представляет самое верное средство для обезпечения наибольшей безопасности, как для каждого в отдельности, так и для всех вместе; она является лучшей гарантией для существования и прогресса физического, умственного и нравственного. Вот чему учит нас природа. И этому голосу природы вняли все те животные, которые достигли наивысшего положения в своих соответственных классах. Этому же велению природы подчинялся и человек—самый первобытный человек—и лишь вследствии этого он достиг того положения, которое мы занимаем теперь.

В действительности,—писал П. А. Кропоткин в своей позднейшей книге „Анархия и современная наука" (франц. издание) —взаимопомощь является для всякого вида животных не только наиболее действительным орудием в борьбе за существование против враждебных сил природы и других вражескнх видов, но она является также главным орудием прогрессивной эволюции. Далее, наиболее слабым животным она гарантирует долговечность, (а следовательно накопление опыта) безопасность для потомства и умственный прогресс. Благодаря взаимопомощи, виды животных лучше других практикующих взаимную помощь, не только живут дольше других, но занимают так-

же в своем классе (насекомых, птиц, млекопитающихся) первое место по превосходству их физической структуры и ума“ [1]).

Кочегаров.

ПЬЕР ЖОЗЕФ ПРУДОН, КАК КООПЕРАТОР.

О П. Ж. Прудоне можно говорить не только как об анархисте, но и как кооператоре. В области кооперативной теории им оставлен громадный труд газетных статей, в которых он агитировал за создание народного банка и которые были изданы Даримоном отдельной книгой: „Итоги социального движения. Меновой банк“. Практически же Прудон был родоначальником кредитной кооперации.

В 1848 г., задавшись целью коренным образом преобразовать современный ему строй, он выступает с проэктом организации менового Народного Банка. „Я начинаю,—писал он—предприятие, равного которому нет и не будет в мире. Я хочу изменить основание общества, перевернуть ось цивилизации, сделать так, чтобы мир, который по воле Божества движется с Запада на Восток, начал двигаться по воле человека с Восток на Запад. Я хочу преобразовать отношения капитала к труду“ [2]). В 1849 году у нотариуса был явлен устав, по которому банк определялся, как коммандитное товарищество. По своим заданиям и функциям он очень походил на современные кредитные товарищества, которые удовлетворяют потребности населения в кредите и организуют закупку и сбыт. Цели банка определялись таким образом: „Народный банк имеет своим необходимым основанием безпроцентный кредит и безпроцентный обмен, предметом своей деятельности не производсто, а обмен ценности, средством же взаимное соглашение производителей и потребителей. Он может и должен, поэтому, работать без капитала.

„Главнейшие дела Народного банка: 1) увеличение капитала кассы посредством выпуска чеков; 2) учет коммерческих бумаг за двумя подписями; 3) учет комиссий и фактур; 4) выдача ссуд под залог; 5) кредит под поручительство; 6) ссуды под ренты и ипотеки; 7) платежи и покрытия; 8) заказы;

К этому прибавляются: 9) сберегательные, вспомогательные и пенсионные кассы; 10) страхования; 11) хранение вкладов; 12) составление баланса.

В то время как обыкновенные банковские бумаги оплачиваются деньгами, бумаги Народного банка являются бессрочными расписками на общество; всякий член общества или сотрудник должен платить за них, по пред'явлении, продуктами своего производства или услугами своего предприятия.

Каждый сотрудник обязан всякую свою потребность удовлетворить преимущественно, поскольку она может быть удовлетворена об-

---

1) Предлагаемые статьи (первая помещена в 11—12 № Вольной Жизни) имеют своей целью указать, что у П. А. Кропоткина были предшественники, не с'умевшие, впрочем, облечь свои предположения в научную форму и многочисленные последователи, прямо таки развившие его учение, (как напр. И. Богословский) или же последователи только кое что заимствовавшие у П. А. Кропоткина. Обилие цитат и об'ясняется той целью, которую поставил себе автор статьи.

2) М. И. Туган-Барановский—П. Ж. Прудон. Его жизнь и общественная деятельность. П., 1891 г. стр. 51.

ществом, при помощи других сотрудников, и делать поручения тоже исключительно членам и сотрудникам общества.

Наоборот, свой товар он обязан уступать каждому производителю или торговцу, принимающему участие в обществе и другим сотрудникам за умеренную цену“ [1]).

Банк не был закрытым предприятием.

Его капитал должен был составиться из пятифранковых акций на 2 миллиона франков, при чем банк мог начать свою деятельность при капитале в 20.000 фр. Рабочее население Франции охотно откликнулось на призыв Прудона и деньги очень быстро потекли в кассу общества. Как на конкретный пример сочувствия начинанию Прудона среди рабочих, можно указать на то, что необходимый для открытия действий банка капитал—50.000 фр. был собран в полуторы недели.

Деятельность банка обещала приобрести грандиозный размах, но правительство Луи Наполеона за одну антиправительственную статью приговорило Прудона к трехлетнему тюремному заключению и он вынужден был обратиться к акционерам с заявлением об закрытии банка. Этим и закончилась практическая кооперативная деятельность Прудона.

Он, как и Фурье, считал, что кооперация не притесняет личности и что стремления индивидуума (у Фурье—страсти) не подменяются и не заглушаются. По этому поводу он пишет: „промышленные и земледельческие ассоциации, в которые входят и рабочие ассоциации, где они могут с пользой образоваться, имеют целью не заменить личную инициативу общественной деятельности, как безрассудно думали в 1848 г., а обеспечить всем предпринимателям мелкой и средней промышленности, равно как мелким поземельным собственникам пользование изобретениями, машинами, улучшениями и приемами, при иных условиях недоступными для небольших предприятий и состояний. Нападать на индивидуализм, как на врага свободы и равенства, как это воображали в 1848 г., это значит не обеспечить свободу, которая имеет по существу, чтобы не сказать исключительно, индивидуалистический характер; это значит не положить основу ассоциации, которая ведь состоит только из индивидуумов; это значит вернуться к варварскому коммунизму и к феодальному рабству; это значит одновременно убить и свободу и личность“ [2]).

И пусть некоторые, не доросшие до понимания идей Прудона, занимаются злопыхательством и заявляют: „Прудона никак нельзя отнести к родоначальникам рабочей ассоциации; самое большее—его можно признать одним из отцов мелкобуржуазной ассоциации, состоящей в об'единении мелких капиталистов для использования выгод мелкой торговли и кредита“ [3]). Мы знаем какова цена этим заявлениям и насколько можно им верить.

И. Хархардин.

---

1) Эльцбахер—Анархизм. М. 1917 г. стр. 53 и 54.
2) Ю. Стеклов—Прудон, отец анархии. П. 1919 г. стр. 38.
3) Там же стр. 38 и 39.

ИНТИМНОЕ.

I.

Когда ты обижен Венерой жестоко
И молча страдаешь, с унылой душой,
—Не плачь, не смущайся,—живи одиноко
И тайну страданий храни пред собой.

Когда ты поруган, иль рабства оковы
Влачишь безпрестанно, угрюмый, больной,
—Венец без боязни, мятежный, суровый
Одень, и молись Немезиде одной.

II.

Если вокруг тебя счастье сияет
Вечно багряной и яркой зарей,
—Пусть твое сердце тогда не рыдает,
Но улетит к нему жгучей стрелой.

Если же жизнь над тобою смеется,
Отдав твою волю земной тишине,
—С проклятием жизни пусть сердце взорвется
И растворится навеки в огне.

Р. Эрманд.

ИСКУССТВО И АНАРХИЗМ.

Нет, кажется, в общественной жизни более могущественной силы, чем сила Прекрасного.

Сила искусства так велика, что ей подчиняется все живущее и существующее. Еще большее значение имеет искусство для человека, который является одним из совершеннейших творцов „вечной красоты", воплощает великий самодовлеющий дух Прекрасного в бессмертные реальные формы. Прав был, поэтому, Ромэн Роллан, когда писал, что „искусство—это царь жизни, это—преодоленная жизнь. Искусство—это то, что заставляет жить. Где смерть—там нет искусства."

Если многие философы на протяжении многих столетий не могли найти „смысла жизни", ея оправдания, то это об'ясняется, очевидно, тем, что они не обращали почти никакого внимания на область прекрасного, не понимали, очевидно, того, что каждый человек живет ради прекрасного вечно стремиться к нему, осуществляет это прекрасное в различных явлениях реального мира. И только Платон указал на этот великий, непреложный мировой закон, указал и на то значение, которое имеет для человека Прекрасное. „О, дорогой Сократ,—говорил он,—только созерцание вечной красоты дает смысл нашей жизни".

Каждый человек стремится к прекрасному; стремится к нему в жизни общественной, моральной, правовой, семейной, экономической. Он хочет видеть прекрасное во всем.

Если Гете сказал когда то, что „властителем дум“ является только поэт, то с большим основанием можно сказать, что властителем всего человека является музыка, ибо одна лишь только музыка в состоянии отнять у человека его гордое, его священное Я, может привести его в состояние нечувствования, непонимания самого себя, в состояние Нирваны, Экстаза. Музыка—это язык Богов. Поэтому, быть может, и заставляет она каждого человека забывать свое Я, независимо от того, каков ее дух, каково ее внутреннее содержание. Разве не растворяется душа человека в музыке Бетховена, Вагнера, Шопена и Баха? Разве имеет какое либо значение для человеческого Я внутреннее противоречие творчества этих бессмертных людей?

Почти таким же образом действуют на человека и другие виды искусства, художественного творчества. С благоговением мы преклоняемся не только перед гениальными композиторами, но преклоняемся также и перед именами Праксителя, Рафаэля, Леонардо-да-Винчи, Микель Анджело, Тициана, Рубенса, Родэна, Байрона, Шелли, Уайльда.

Когда говорят о том, что такое прекрасное, то кажется, что в ответ на это можно сказать: это—все, ибо холодный и бездушный мрамор, принявший неимоверно прекрасные формы, мы в состоянии любить неизмеримо сильнее, чем, например, что либо живое, но безобразное и уродливое. Легенда о Пигмалионе очень часто может быть действительностью.

Рихард Вагнер говорит в своем очерке „Искусство и Революция“ что искусству нельзя пред'являть каких бы то ни было требований, ибо всякое художественное творчество не будет уже в таком случае искусством. Это нечто не должно быть чем то. Иначе это будет не искусство, а что то полезное, разумное или целесообразное, что не имеет ничего общего с искусством, ибо в истинном искусстве нет и не может быть ничего полезного, разумного и целесообразного: оно свободно от всего. „Оно и должно быть свободным, —говорит Вагнер,—от государства, власти, политики, организации“. Как нечто потустороннее, искусство не может быть средством, в искусстве не может быт цели ибо оно—самоцель.

„В искусстве отсутствует элемент полезного“,—говорил Оскар Уайльд, как бы отвечая сторонникам самого утонченного утилитаризма, желающим смотреть и на искусство сквозь призму пользы. Вполне последовательный утилитарист (не говоря уже о грубом гедонизме) должен придти к тому, вполне логическому, заключению, что „искусство—совершенно бесполезно“; следовательно, оно не находит себе оправдания.

В одном из своих писем к французскому другу Ж. Бизе указывает также и на ту опасность, которая грозит искусству со стороны разума. „Если ваш проклятый рационализм,—говорит он,—охватит своим веянием все человечество, тогда—прощай, искусство!“ Разум, польза, целесообразность неразрывно связаны друг с другом. Насколько в искусстве нет этих элементов, настолько оно и может

быть враждебно этим понятиям. Вот почему опасения разума у Бизе имеют глубокое основание.

Искусство может идти только „дорогой души", а не „дорогой разума", возражал когда то Пшибышевский Тэну.

Не было, кажется, в истории философской мысли ни одной школы, которая не пред'являла бы искусству каких либо требований. Так, например, еще Гораций считал, что искусства должно быть синтезом двух элементов: „приятного и полезного". Эта же утилитарно-гедонистическая точка зрения положена и в основу философии эстетики многих самых разнообразных новейших мыслителей. Более этические трвбования пред'являл эстетике Гердер, стремившийся положить в основу художественного творчества три элемента: Истину, Добро и Красоту. Эти же элементы были положены впоследствии в основу неоплатонической философии Владимира Соловьева.

Более об'ективное определение искусства можно найти у Канта, когда он видит в прекрасном „бесцельную целесообразность"; и более глубокое понимание искусства и его назначения встречается только в системах трансцендентального идеализма Шеллинга и Фихте, являвшихся пведставителями „идеалистической эстетики".

Философ—анархист—М. Гюйо говорит, что „высшая задача искусства—произвести эстетические эмоции общественного характера", изуродованного различнымн аномалиями современной цивилизации.

Стремление к прекрасному—это вечный и непреложный закон; он также непреложен, как и закон стремления к радости и удовольствиям, как и законы „небесной механики". И если Пифагор говорил, что „все небо есть гармония и число", то и вся жизнь есть гармония, симметрия. На это стремлеиие указывал и Эпиктет, говоря: „главная цель природы—укреплять, делать прочным в нас стремление к прекрасному и полезному."

Колыбелью истинного искусства следует считать древнюю Грецию: только у эллинов можно найти самое глубокое понимание искусства. Они смотрели не только на искусство, как на божественную игру, но и вся жизнь им казалась прекрасной игрой*). Во главу угла греческой жизни была положена красота, поклонение ей, ея апофеоз. Аполлон и Дионис—это два начала греческой религии: начала красоты духовной и физической. Поэтому, быть может, искусство древней Греции и было тем искуеством, которому стремился Вагнер и другие творцы красоты; оно было абсолютно свободным и независимым, благодаря чему очень многим мыслителям оно и казалось слишком демократическим. Характерной чертой этой свободы была его красота, исключающая собою всякия понятия „бедный" и „богатый". В своем совершенстве оно исключало всякие понятия богатства и бедности, добра и зла. Красота—это единственный критерий всякого творчества, всякой оценки. В моральном отношении оно находилось „по ту сторону добра и зла", к чему стремился в этическом отношении и Ф. Ницше. Не даром одна из гетер послужила моделью для Венеры Пракстителя.

---

*) Оскар Уайльд стремился к тому же в жизни. Устами лорда Генри он говорит: „Я рад, что ты никогда ничего не сделал, не изваял статуи, не написал картины, и вообще ничего не создал. Твоим искусством была жизнь... Твои дни были твоими сонетами" („Портрет Дориана Грея"). Поэтому, он прав был, когда говорил, что „жизни он отдал свой гений, а произведениям только талант".

К эллинизму, к золотому веку искусства!

Таков был лозунг Дж. Рескина, В. Морриса и других прерафаэлитов, стремящихся создать из нашей угрюмой и сумеречной жизни картину гармонии и красоты. —Даже и „всякий труд,—говорил Моррис,—должен быть праздником“.

Еще дальше ушел в этом отношении „король жизни“ Уайльд; он стремился не только к эллинизму, но возвращался также и к Шеллингу и Фихте, когда говорил, что истинное искусство идеалистическое, ибо только это искусство предшествует жизни и увлекает эту жизнь „к горнему, а не земному“, увлекает ее к неведомым берегам всего совершенного, прекрасного. Даже больше того: он хотел видеть „мистическое в жизни, мистическое в искусстве“. Нельзя назвать творцом прекрасного того человека, который воспроизводит в своем творчестве различные явления жизни: это сизифов труд, бесплодная работа, ибо природа сама по себе еще более прекрасна и разнообразна и лицо ее открыто для всех. Быть коллекционером мертвых вещей—это неблагодарная работа. Следует быть творцом новых ценностей.

Из всего предыдущего видно, что анархист (в широком смысле этого слова, а не в политическом его значении) не может пред'являть искусству каких либо требований, хотя бы и для достижения анархического идеала, ибо искусство—это самодовлеющая жизнь, с которой можно стремиться только слиться воедино, приобщить свою жизнь к этой великой жизни, ибо, только достигая нескольких жизней и нескольких смертей, можно достигнуть бессмертия. Не даром говорил Уайльд: „кто жил не жизнь одну, а больше, не раз один умрет“.

Всякия требования в искусстве были бы слишком напрасными, ибо, искусство—это, выражаясь словами Платона и Гегеля, „Вечная Идея“ и „Абсолютный Дух“. Нельзя, тем более, пред'являть искусству тех или других требований и по одному лишь тому, что оно никогда не было и не может быть коллективным творчеством, о чем мечтают иногда очень наивные люди. Художественное творчество индивидуально.

Вот почему воззрения эллинов, Шеллинга и Фихте, Морриса и Уайльда могут быть названы более всего анархическими; они могут быть положены в основу анархической философии искусства и, при дальнейшем изучении этого вопроса, могут избавить нас от различных превратностей и заблуждения в понимании искусства, его назначения.

Е. Долинин.

АНАРХИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ЛИТЕРАТУРЕ.

„БРАНД“—драматическая поэма Г. Ибсена.

(Статья первая)

Посвящается светлой памяти друга—
—Екатерины Витальевны Худолей.

Бранд—молодой священник, задавшийся целью
„правдой то сделать что было лишь сном,
в жизнь провести свои грезы.“

Он стремится, создавая „нового человека“, осуществить „царствие божие на земле“.

Вся драма, написанная в символическом духе, развертывается на религиозном фоне, хотя основная идея ее далеко не религиозная. „Бранда не так поняли“—пишет Г. Ибсен—„То, что Бранд—священник в сущности не важно; заповедь „все или ничего“ сохраняет свое значение во всех областях жизни—и в любви, и в искусстве и т. д.“.[1]) „Я сумел бы—говорит он в другом месте—построить такой же силлогизм, взяв скульптора, или политического деятеля, как и священника...“[2])

Сюжет „Бранда“, на самом деле, не религиозный, а общечеловеческий, с ярким оттенком революционного анархизма.

Бранд—человек воли, что так характерно для анархиста.[3])

„...Воля
единственный цемент надежный; воля
и губит и освобождает дух;
она одна разрозненные силы
его сплотить способна, в ней вся суть“—

—говорит Бранд в полном согласии с выводами современной философии, в которой господствует волюнтаристическое направление. „Воля к мощи“ есть сущность жизни—говорит Ницше. Разум ее орудие, а чувства—лишь симптомы ее проявления.

Всякое живое существо стремиться к увеличению своего могущества, не ища удовольствия и не избегая страдания.[4]) „Живущее не стремиться к удовольствию: напротив, удовольствие наступает вслед за достижением того, к чему оно стремиться: удовольствие сопровождает, удовольствие не движет“[5])—говорит Ницше.—„Удовольствие сопутствует всякому росту могущества, а неудовольствие всякому чувству невозможности сопротивления“.[6]) Только слабая, вырождающаяся жизнь боится страдания и отказывается от воплощения своей воли во всей полноте, стремясь приспособиться к окружающим условиям. В боязни страдания и погоне за наслаждением—источники оппортунизма и минимализма. Бодрый и жизнерадостный Бранд учит словом и делом:

„Наш первый долг—хотеть всем существом,
и не того лишь, что осуществимо
и в малом и в большом: хотеть не только
в пределах тех или иных страданий,
трудов, борьбы,—нет до конца хотеть;
хотеть и радостно готовым быть
пройти все мытарства души и тела“

А то, чего хочет человек, чего хочет самая маленькая часть живого организма—это увеличения своего могущества.[7]) Даже сама „жизнь—говорит Ницше—есть только средство к чему-то: она есть выражение форм роста могущества“.[8]) И Бранд, презирая людей, которые „выстрелам внемлют бледнея“, с иронией говорит:

„Гм... жизнь!..Беда, как дорожат все жизнью!
Любой калека вес ей придает
такой, как будто бы спасенье мира
и исцеленье душ людских ему
возложено на немощные плечи.
Готовы жертвовать они, но только
не жизнью, нет! Она всего дороже!“

Бранд, как и Ницше, ценит „волю к мощи" выше самой жизни. Он готов отдать свою жизнь ради увеличения могущества.

„Хотя бы все вы дали, кроме жизни,
ее не дав, вы ничего не дали"—

—говорит он.

Анархист, движимый волею к мощи, не боится страдания. Наоборот, такой „человек ищет сопротивления, человек нуждается в чемто таком, что противопоставило бы себя ему...—говорит Ницше. Итак, неудовольствие как результат стеснения его воли к могуществу, есть нормальный факт, нормальный ингредиент всякого органического процесса; человек не уклоняется от него; наоборот он в нем постоянно нуждается: всякая победа, всякое чувство удовольствия, всякий процесс предполагает устранение сопротивления".[9])

Вдохновляемый волей к мощи, волей к победе, Бранд, игнорируя страдания и жертвы, зовет людей к безпрерывной борьбе. Надо бороться—говорит он—

„всю жизнь до самого конца, пока вы
всех жертв не принесете, с духом сделок
не разорбете навсегда; пока
не станет ваша воля цельной, сильной,
и не падут трусливые сомненья
перед заветом—все иль ничего!

И Бранд стремиться воздвигнуть „храм бога живого", воплощая в жизни свой идеал во всей его полноте, без урезок. „Все или ничего!"—говорит он.—„Прямо к цели!" Он запирает новую церковь и, бросая ключи в воду, увлекает за собою массы на вершину. Однако победа его оказалась непрочной. Идеальному требованию Бранда—послужить „богу", фогт противопоставляет предложение вполне конкретного характера:

„К чему мешаться не в свои дела?
Сельдей ловить вы лучше поспешите!
Вот дело, что вам выгоды сулит;
вот цель, которой можете достигнуть,
не тратя крови, не берясь за меч";

Масса, возбужденная не столько возможностью избавления от страданий, сколько конкретностью предложения фогта, покидает Бранда, побивая его камнями.

„Тысячи двинулись следом за мной
в гору от устья долины,—
хоть бы один до вершины дошел!
Каждое сердце тоскует,
страстно великое время зовет;
в каждой душе раздается
голос зовущий к борьбе,—
жертвы лишь, жертвы пугают!"

Так об'ясняет Бранд причины своей трагедии.

Но он неправ. Истинные причины ее—в противоречии между отвлеченностью его идеалов и конкретностью психики масс. Бранд не учел того обстоятельства, которое великолепно учли его противники.

Условие первое любого дела,
залог его успеха в том, чтоб нуждам
ответствовало местным.

—справедливо замечает фогт, учитывая, что поводом ко всякому выступлению масс должно быть какое-нибудь конкретное требование, доступное их пониманию и отвечающее их насущнейшим потребностям. В конкретности требований кроются причины успеха как социалдемократии, так и синдикализма[10]).

Опасаясь, чтобы из-за густого леса конкретных, повседневных требований—„идолов“—массы не проглядели своей великой исторической миссии,—Бранд избегает конкретных требований, призывая к служению идеалу:

„Жизнь и служение богу—одно!“[11])

В этом была его ошибка, ибо массы не живут идеалами. Их захватывают и глубоко волнуют интересы окружающей действительности. Их психика конкретна.[12])

Русская революция нашла выход из того тупика, в который зашел Бранд. Конкретные требования могут быть двоякого рода: минималистские и максималистские. Первые, имея в виду сокращение страданий или увеличение наслаждений в рамках существующего строя (сокращение рабочего дня, повышение заработной платы и т. д.)—вполне совместимы с его существованием и приемлемы для господствующего класса. Удовлетворение таких требований укрепляет старый общественный строй. Пробст, имея в виду новый храм, выстроенный Брандом на средства покойной матери, дает правильную оценку частичных улучшений:

„Воздвигли вы на благо
всего прихода храм, и должен он
здесь укрепить дух мира и закона.“

Удовлетворение минимальных требований укрепляет „дух мира и закона“, независимо от того легальными или насильственными способами оно добывается.

Иное значение имеют конкретные требования максимального характера, воплощение в жизни волю к мощи угнетенных классов. Отличительный признак их—неприемлемость для господствующего класса и несовместимость с существованием старого строя. К числу таковых принадлежал большевистский лозунг „Долой войну!“ в 1917 г. анархистский лозунг социализации жилищ в 1918 г. и т. п.

Система конкретных требований максимального характера, заведомо неприемлемых для господствующего класса, должна быть построена так, чтобы обособляя анархистов среди других партий, сделать невозможными совместные действия враждующих лагерей.[13]) Только тогда Брандовский лозунг—„все или ничего!“—найдет свое практическое применение, без тех трагических последствий, которые он имел для Бранда.

Главный орган коммунистического анархизма в Швеции носит имя Бранда. Это звучит как призыв: Будем же анархистами! Будем как Бранд!

В. Худолей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Письмо Ибсена к Брандесу из Дрездена от 28 окт. 1870 г.
2) „ „ „ „ „ „ „ 26 июня 1869 г.

3) Например—М. Бакунин.
4) Ф. Ницше—„Воля к могуществу" § 702.
5) там же—§ 688.
6) там же—§ 699.
7) там же—§ 702.
8) там же—§ 706.
9) там же—§ 702.
10) М. Бакунин в „Политике Интернационала", переоценивая значение борьбы за частичные улучшения, открывает дорогу синдикалистскому минимализму и оппортунизму (приспособленчеству).
11) Крайние течения анархического коммунизма воздерживались от борьбы за конкретныя требования. „Безначалие" в 1905 г. отказывалось от конкретных требований во имя „единого и неделимого" идеала—Анархической Коммуны. Их агитация была безпочвенна, а тактика экспроприации для личных целей (они считали, что анархист не должен поддерживать капитализма своим трудом) привела к безидейному бандитизму.
12) См. „Бунтарь" 1906 г. № 1—„Вопросы классовой борьбы". Статья перепечатана в сборнике „Черное Знамя" изд. М. Ф. А. Г. 1918 г.. „Бунтарь" пытался перенести центр тяжести вопроса с содержания требований на формы отстаивания их, рекомендуя террор во всех случаях, как крайнюю форму классовой войны. Это тоже заблуждение. Ему можно ответить то же, что ответил Жан Жорес синдикалистам: „это реформизм кулачным путем, но все таки только реформизм".
13) Конечно, построение такой программы требует большого искусства и таланта со стороны инициативных групп.

БИБЛИОГРАФИЯ.

(В этот указатель вошли работы по анархизму, пропущенные в предидущих номерах „Вольной Жизни. Авторы не анархисты помечены звездочкой „*").

* АБРАМОВ—Социализм или анархизм. М. 1917 г. 30 к.
* АДЛЕР—Анархизм. Изд. „Мысль" 1906 г. 20 к.
АЛЕШКЕР—Беседы о мирном анархизме. М. 1919 г. 1 руб.
АНАРХИЗМ—Сборн. ст. Реклю, Тукера, Л. Толстого и др. П. 1907 г.
АНАРХИСТ—Двухнедельная газета Лефорт. Район. Организ. Анарх. М. Вышло 2 номера за сентябрь и октябрь 1918 г.
АНАРХИСТСКИЕ ЛИСТОВКИ—№ № 1-5 изд. „Почин".
АНАРХИЯ—Газета Моск. Фед. Ан. Групп. Изд. в 1917 и 1918 гг.
* АНДЕРСОН—М. А. Бакунин. С указат. литер. П. 1906 г. 20 к.
* АН-СКИЙ—Что такое анархизм. Изд. „Живое слово" П. 1917 г. 40 к.
АСКАРОВ—Основные вопросы анархо-универсализма. М. 1921 г.
АТАБЕКЯН—Дух погромный. М. 1919 г. 1 руб.
Б. С.—Открытое письмо И. Гроссману-Рощину (Ответ „советским" анархистам). Изд. „Истина" М. 1919 г.
* БАЗАРОВ—Анархический коммунизм и марксизм. П. 1906 г. 50 к.
БАРРЭТ—Анархическ. Революция. П. М. Изд. „Голос Труда" 1920 г.
* БЕРНШТЕЙН—Анархизм. П. 1917 г. 25 коп.
БЕРТ, ЛАГАРДЕЛЬ, ПУЖЕ—Социальное движение в современной Франции. 1908 г. 1 руб.
* БИРМАН—Анархизм и коммунизм. Изд. Яковенко. 1907 г. 65 коп.
* БОНЧ-БРУЕВИЧ—Духоборы в Канадских прериях. Ч. I-я П. 1918 г.
БОРГИУС—Теоретические основы анархизма. 1906 г.
БОРОВОЙ—Личность и общество в анархическом мировоззрении. П. Изд. „Голос Труда" 1920 г. 175 руб.
— — —Революционное миросозерцание. М. 1907 г. 75 коп.

Типография Труд. Арт. Печ. Дела „Почин", Мытная, 1. — Р. В. Ц. 1083.